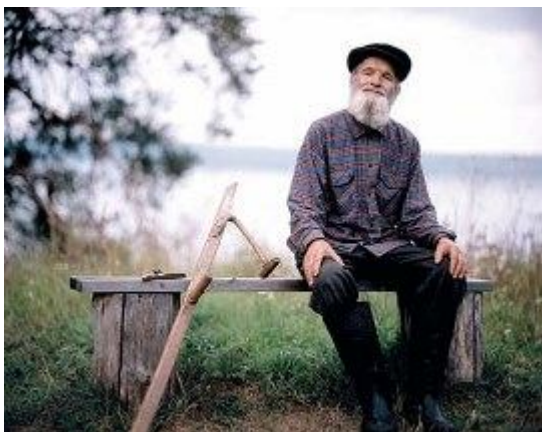

Старики

В бывшую деревню Карповку, ныне пышно именуемую сельским поселением, весна пришла внезапно. Ещё недавно покосившиеся домишки оведало бураном, носились тучи мёрзлого снега, и немногочисленные жители с тревогой вглядывались в густую муть.

«Не видать в этом году урожая, сдует весь снег», - вздыхали они. Привычка оценивать перспективы года въелась в их умы намертво, хотя хозяйство агрохолдинга давно уже дышало на ладан. Запашка зерновых сократилась вдесятеро, ферма опустела, а на землях бывшего колхоза «Путь к коммунизму» споро разворачивалось строительство коттеджного поселка. И, словно кость в горле, торчали посреди деревни несколько избёнок, хозяева которых не желали ни выезжать из своих строений, ни продавать их. Застройщики предлагали отступного, запугивали, угрожали. Но старики стояли как скалы: «Здесь родились, здесь жили, здесь и умрём!»

Но пришла же, хотя и поздняя в тот год, весна! Мартовские метели сменила апрельская теплынь. Деды и бабы повылезали из обветшавших строений и целыми днями грелись на солнышке. Ждали, когда просохнет земля, чтобы приступить к ежегодному священнодействию - перекопке огорода. Урожай здесь собирался отменный: земли удобрялись не химией, а чистейшим навозом. В каждом дворе была либо коза, либо коровенка, а уж птица - обязательно.

Два соседа, дед Тихон и дед Ефим, расположившись на завалинке подслеповатой тихоновой избушки, не спеша толковали о том, о сём. Каждому было под восемьдесят, и навидались деды всего: голодное военное детство, труд сызмала, зигзаги отечественного земледелия, перестройка, развал хозяйства и грядущая перспектива пойти по миру с сумой. Вообще-то в двух километрах от Карповки стоял каменный храм, и пойти с сумой было куда. Но сама мысль об этом претила двум крепким умелым хозяевам.

«Побираться - последнее дело» - единодушно считали они. Ехать в город к внукам ни тот, ни другой не желали, наслушавшись страшилок про генно-модифицированные продукты: «Просыпаешься - а у тебя рога выросли. Или жабры. Ведь засмеют!» Пенсию они, как и все жители деревни, получали исправно, огород какой-никакой приварок давал, воздух свежий, река рядом, лес, полный грибов - живи да радуйся, пока не помрёшь.

По поводу последнего пункта соседи не раз схватывались в яростном споре. Духом они были совершенно разные. Тихон - по имени житие - и был тих, исправно посещал храм, молился дома перед бумажным иконостасом,

часто прибегал к святому причастию, и оттого ходил благостный и просветлённый. Ефим же считал себя атеистом и гордился этим. Был вспыльчив и обидчив, потому что заповеди Божии отвергал, и прощать никому ничего не хотел. Ругал правительство, плохую погоду, никудышные дороги, спившегося председателя, свою дочь и внучку, которых калачом в деревню не заманишь, шалопая-правнука - вернулся из армии, а работать не хочет, сидит целыми днями за компьютером. «А ты помолись о прибавлении ума твоему парню», - с хитрецей советовал Тихон.

Ефим моментально становился на дыбы: «Тебе самому надо ума прибавить, старый дурак! Что толку от твоих молитвословий, когда его две бабы воспитали!» Тихон посмеивался. Он знал, что и дочь, и внучка соседа обладали ершистыми характерами - «в папашу!», обе вышли замуж неудачно и детей воспитывали одни. А вечером, на молитвенном правиле, горячо просил у Бога милости для невезучей семьи соседа.

Молиться он любил. Долгими светлыми вечерами, убравшись по хозяйству, загнав в хлев и подоив козу, присаживался к окну под раскидистый куст герани и раскрывал потрепанный «Молитвослов». Читал - перебирал слова канонов, тянущиеся золотой цепью с неба на землю. Время от времени замолкал благоговейно: «Как сказано! Ангелам это петь, а не нам, грешным, долдонить!». Сосед в это время сидел на крылечке и нещадно дымил «Беломором». Тихон морщился, вздыхал. Так день за днем проходило время.

Весну сменило лето. На огородах зрел урожай: наливались помидоры в парниках, золотились тяжёлые тыквы, весело распушилась ботва корнеплодов. Над всем этим великолепием неусыпными стражами высились подсолнухи и мальвы.

- Вот ты говоришь: Бога нет, - начинал Тихон дразнить соседа. А кто же, по-твоему, создал всю эту красоту?

- Сама собой образовалась, - бурчал сосед, осознавая бессмысленность ответа.

- Само собой ничто не образуется, - возражал Тихон. Нужен Творец.

- Да я и сам думаю. Но уж больно бестолково - какая-то девица зачала от Духа! Знаем мы таких духов!

- Умолкни, пожалуйста, - совсем тихо проговорил сосед Ефима. Не надо.

Ефим вытаращил глаза и поперхнулся на полуслове от этой тишины.

- М-м-м-м-да-а-а... Ну что же, владыка земли и неба, как вы, верующие, говорите, из мамкина живота вышел. Чудно!

- А ты поверь - и всё станет на место, - убеждал Тихон. Поймёшь, для чего мы живем...

- Для чего?

- Для царствия небесного.

- Так ведь там никто не был!

- Христос был. И этого достаточно. Всем, кроме тебя.

Это Ефиму не понравилось.

- Ты что меня отделяешь от всех? Я такой же, как ты и прочее человечество.

- Нет, не такой. Я с крестом на шее хожу. А ты без креста.

- А вот возьму и надену!

- Не моги.

- Подумаешь! Вот захочу - и завтра в церковь пойду. Что я, нелюдь какой? Бог для всех - значит, и для меня тоже.

- Ты подумай, для чего ты пойдешь?

- А для чего все ходят?

- Они Христа любят. Он за нас жизнь отдал, - проговорил Тихон с такой убежденностью, как будто это произошло вчера, и он был свидетелем.

Постоянно пререкавшийся с ним Ефим вдруг примолк. В голосе Тихона прозвучало что-то необычное. Ефиму показалось, будто он увидел открытое человеческое сердце. Ему стало страшно, и он резко встал:

- Ну тебя, Тихон, взбулгачил ты меня всего, на ночь глядя. Теперь не усну, - и, прихрамывая, пошёл к себе.

Тихон промолчал. Вошёл в избу и сел на свое любимое место под геранью.

Он знал, что в окне соседа будет гореть свет, и что тот долго будет мерить шагами невеликую свою избушку. Встал у икон и начал молиться. Читал одну молитву за другой. А под конец, разгорячившись, воззвал к Господу:

- Отче Пресветлый, вразуми ты этого неслуха! Видишь же - он к Тебе тянется! Сколько можно в потёмках блуждать - так и до беды недолго. Век-то наш краток. Помоги, Отче Милосердный, просвети его!

Утром в окно Тихона постучали. И свежий юношеский голос окликнул его:

- Дядя Тихон! А дядя Тихон! Вы спите? Откройте, пожалуйста!

- Кто там? - спросонок выговорил Тихон. Ты, Шурка?

- Я, я. Открой, пожалуйста, на минуту.

Тихон, кряхтя, поднял засов. В избу влетел высокий стройный юноша с кудрями до плеч. Это был правнук соседа Ефима Александр.

- Приехал? Надолго? А мама с бабушкой где?

- Бабушка дома. Мама приедет через пару дней.

- А ты по какому случаю пожаловал?

- Так я же в художку поступил, прадеду писал, он не сказал, что ли? Стучал -он спит, не открывает.

- Не-е-ет, не говорил он ничего - протянул ошеломлённый Тихон, торопливо одеваясь. А сюда зачем? Предка навестить?

- Ты, дядя Тихон, ничего не знаешь. Я не один, нас целый отряд, мы волонтеры.

- Это как?

- Ну, добровольцы. Храм ваш будем восстанавливать, обветшал, а ведь памятник архитектуры XVII века. На учёте состоит.

- Тут много чего на учёте состоит, - пробормотал Тихон, чувствуя, как у него отлегло от сердца.

- А жить- то где будете?

- В школе! Договорились уже. И местные рады, говорят: давно пора.

- Ну и дела-а-а, - протянул Тихон.

В окно ударило яркое солнце, ветерок пошевелил цветастые занавески. На дворе у Ефима запел петух.

- Ой, мне же по хозяйству пора, - схватился Тихон. А я сижу тут с тобой! Давай самовар ставить. Картошку разогрей, за огурцами солеными слазь в подпол, пожалуйста, а то я расклеился совсем.

Но он хитрил, потому что радость его переполняла до отказа. Нравилось смотреть на гибкого весёлого юношу в потёртых джинсах, слушать птичий щебет, следить за игрой солнечных лучей в оконном стекле. «Слава Богу за всё!» - Тихон перекрестился. Ему стало хорошо и спокойно.

*Марина Васильева
Февраль 2015*